

Телефон звонил уже какое-то время, но Чжоу Тун не спешил брать трубку.

Дуань Чжэн скосил глаза на незнакомый номер и недовольно проворчал:

— Кто там еще? Чего трубку не берешь? Спамеры небось, сбрасывай сразу да в черный список.

— Не к спеху, — отозвался Чжоу Тун.

Аппарат продолжал настойчиво вибрировать, заливаясь звонкой, мелодичной трелью. Звук был мягким, приятным для слуха, однако Дуань Чжэню почему-то почудилось, будто в каждом его переливе сквозит отчаяние и крайняя спешка того, кто находился на другом конце провода. Словно человек в службу спасения ломился, не иначе.

Выждав гроссмейстерскую паузу, Чжоу Тун наконец нажал на кнопку приема. Из динамика тут же донесся испуганный, заикающийся голос Шэнь Хунвэня:

— Чжо-Чжоу... господин Чжоу, вы... вы сейчас не слишком заняты?

В его тоне сквозило такое благоговейное почтение, что от вчерашнего высокомерия и обвинений в шарлатанстве не осталось и следа.

Чжоу Тун намеренно напустил на себя важный, равнодушный вид:

— Кое-какие дела наметились. А в чем, собственно, вопрос?

— Господин Чжоу, я... я очень хотел бы пригласить вас к себе. Просто посидеть, поговорить...

— К вам домой? В такой час? — Чжоу Тун нахмурился, изображая крайнюю неохоту.

— Да, именно, — торопливо зачастил Шэнь Хунвэнь. — Понимаете, у меня тут... дома кое-что стряслось...

Он на мгновение замялся, пытаясь подобрать слова, но затем, видимо, решился и выложил все начистоту:

— В общем, около четырех часов дня меня разморило. Прилег на диван буквально на полчаса и опять... опять увидел во сне ту женщину! Но на этот раз все было не так, как раньше! — Голос Шэнь Хунвэня сорвался на визг. — В этот раз я, как всегда, похлопал ее по плечу, она стала поворачиваться... а лица нет! Глаза, нос, рот — ничего! Сплошное пустое место... гладкая кожа!

Шэнь Хунвэнь снова зашелся в крупной дрожи.

— Я от ужаса так и подскочил, проснулся. И стоило глаза открыть — она! Стоит прямо за окном и пялится на меня!

Дальнейший его лепет превратился в бессвязную, паническую тарабарщину. Мужчина заикался, всхлипывал и бормотал что-то настолько невнятное, что Чжоу Тун едва ли мог разобрать хоть слово — собеседник явно находился на грани безумия.

Чжоу Тун лишь понимающе молчал.

Бедолага и впрямь был напуган до полусмерти — небось, душа уже в пятки ушла. Чжоу Туну даже стало его немного жаль. Он негромко кашлянул в трубку:

— Что ж... ладно. Подождите немного. Мне нужно закончить одно дело, освобожусь где-то через час.

— Хорошо! Сколько надо, столько и буду ждать! — с облегчением выдохнул Шэнь Хунвэнь. — Господин Чжоу, вы сейчас где? Я мигом пришлю за вами машину!

— На Старой улице.

Перед тем как отключиться, Шэнь Хунвэнь раз десять повторил свою просьбу, умоляя приехать и не бросать его в беде. Было очевидно, что от его бывшего железобетонного атеизма не осталось и следа.

Стоило Чжоу Туну опустить трубку, как Дуань Чжэн хмуро спросил:

— Это был Шэнь Хунвэнь? Чего ему опять надо? Ты уж прости за вчерашнее, я ведь сам не знал, что он за фрукт. Думал, нормальный человек, а он...

— Пустяки, — Чжоу Тун мягко улыбнулся и убрал телефон в карман. — У нас с ним теперь просто бизнес. Ничего личного.

Дуань Чжэн уставился на него с немым недоумением.

Чжоу Тун прикинул время по каноническим часам — спешить было некуда. Повернувшись к другу, он предложил:

— Давай пройдемся еще по лавкам. Мне нужно присмотреть одну вещицу.

То, что Шэнь Хунвэнь прибежит за помощью, Чжоу Тун предвидел с самого начала. Вчерашнее рукопожатие преследовало цель не только подтвердить наличие Проклятия Десяти Дней. Чжоу Тун намеренно наложил на руку мужчины тонкий слой ложной энергии, временно прикрыв ею пагубное дыхание проклятия. Из-за этого кошмар, который должен был явиться Шэнь Хунвэню еще прошлой ночью, настиг его лишь сегодня под вечер.

Ну а кошмар без лица... К нему Чжоу Тун тоже приложил руку.

Если не сокрушить до основания глупое упрямство и скептицизм этого богача, спасти его было бы невозможно. Да и договариваться об оплате после такого потрясения станет куда приятнее.

Только Дуань Чжэн собрался расспросить друга о покупках, как за их спинами раздался зычный оклик:

— Молодой человек! Погодите, прошу вас! Задержитесь на минуту!

Чжоу Тун остановился и обернулся. К ним, запыхавшись, трусил почтенный Шао Жунхуа. Бег давался старику нелегко — он тяжело дышал и то и дело вытирал пот со лба. Проявив уважение к возрасту, Чжоу Тун сделал несколько шагов ему навстречу и мягко спросил:

— Господин Шао, что-то случилось?

— Юноша, — старик перевел дух и с искренней признательностью посмотрел на него. — Огромное вам спасибо за то, что вовремя открыли мне глаза. Не вмешайся вы — я бы опозорился на старости лет! Если бы из-за моей ошибки этот богатеи выложил целое состояние за фальшивку, моему доброму имени и на Старой улице, и во всем городе А пришел бы конец. О репутации оценщика пришлось бы забыть навсегда.

Шао Жунхуа сокрушенно вздохнул. Сейчас он ничуть не напоминал того высокомерного, заносчивого мэтра, каким казался еще полчаса назад.

Чжоу Тун лишь скромно улыбнулся, отчего его темные глаза весело сощурились:

— Ну что вы, не стоит преувеличивать.

— К слову, я краем уха услышал, что вы подыскиваете какую-то вещицу. Позвольте узнать, что именно вас интересует?

Чжоу Тун ненадолго задумался, а затем ответил:

— Нефритовый тапир.

— Нефритовый тапир? — Шао Жунхуа удивленно моргнул. Он полагал, что современная молодежь увлекается куда более приземленными вещами: изящным фарфором, старинной бронзой или дорогими украшениями для возлюбленных. Выбор Чжоу Туна застал его врасплох.

В китайских верованиях тапир — существо легендарное. По преданиям, этот зверь обладает чудесным даром пожирать кошмары и оберегать покой спящих, за что в некоторых краях его почитают как хранителя человеческих снов.

Вот только мастера испокон веков предпочитали вырезать из нефрита изображения благожелательных существ: прожорливых писю, величественных львов, милосердную Гуаньинь или Будду. Популярностью пользовались и двенадцать знаков зодиака, а вот фигурку тапира заказывали крайне редко. Обычную безделушку на Старой улице отыскать бы не составило труда, но Шао Жунхуа понимал: юноше с таким тонким вкусом простая копеечная игрушка не подойдет.

Взять хотя бы давешнюю вазу эпохи Мин. Ошибка в клейме мастера действительно была грубейшей, однако искусность подделки поражала воображение. Качество глазури, глубина синевы и изящество росписи почти не оставляли сомнений в подлинности сосуда. Если поддаться первому впечатлению, очень легко проглядеть столь мелкую, но фатальную деталь.

Профессиональная слепота и спешка губят даже мастеров, ведь именно на невнимательность оценщиков и рассчитывают фальсификаторы. Но то, с каким хладнокровием и дотошностью этот юноша подошел к делу, вызывало искреннее восхищение. Шао Жунхуа просто не мог пройти мимо такого самородка.

Подобное чутье не берется из ниоткуда: парень либо с пеленок рос среди бесценного антиквариата, либо перенял опыт у выдающегося наставника. Но Шао Жунхуа лично знал каждого ученика, которых воспитывали старые мастера города А, и лицо Чжоу Туна видел впервые. Любопытство старика разгорелось с новой силой.

Приняв решение, Шао Жунхуа улыбнулся еще приветливее:

— Какое совпадение! Один мой старый приятель держит лавку и торгует исключительно редким древним нефритом. Позвольте мне проводить вас туда.

— Буду весьма признателен, господин Шао, — вежливо отозвался Чжоу Тун.

— Ну что вы, пустяки! Кстати, как мне обращаться к вам, молодой человек?

— Мое имя Чжоу Тун, — ответил юноша и, чуть отступив в сторону, указал на спутника: — А это мой близкий друг, Дуань Чжэн.

Обрадовавшись случаю завести знакомство со столь авторитетным человеком, Дуань Чжэн

мгновенно вытянулся в струнку и изо всех сил постарался принять вид благопристойного, благонадежного гражданина. Увы, все его старания пошли прахом: Шао Жунхуа даже не взглянул в его сторону, полностью поглощенный беседой с Чжоу Туном.

Толстяк лишь мысленно вздохнул от такой несправедливости.

Лавка, к которой привел их старик, располагалась в самом тупике Старой улицы. Случайные прохожие забредали сюда редко, так что у дверей царило непривычное для торговых кварталов безмолвие.

Торговые ряды Старой улицы растянулись на добрый километр — знатоки насчитывали здесь ровно сто тридцать пять заведений. Большинство зевак утомлялись задолго до середины пути и, пресытившись пестротой витрин, поворачивали назад. До самых окраин добирались лишь истинные ценители и коллекционеры, обладавшие завидным терпением. И именно в этих глухих уголках зачастую скрывались настоящие сокровища.

Над входом красовалась скромная вывеска: «Зеленая Обитель». За толстым стеклом витрины, на изящной подставке из темного сандала, покоился изумительной красоты нефритовый жуи. Но стоило друзьям переступить порог, как Дуань Чжэн, наплевав на приличия, громко выдохнул:

— Охренеть... Ну и красотка!

Чжоу Тун проследил за его взглядом. За прилавком действительно восседала женщина, чей облик казался сошедшим со старинного свитка.

На ней было идеально подогнанное по фигуре шелковое ципао, подчеркивающее плавные, соблазнительные изгибы тела. Белизну ее кожи оттенял нежный румянец на щеках, а в разрезе узких, кошачьих глаз читалась легкая усмешка. Алые губы женщины сжимали мундштук длинной нефритовой курительной трубки. Тянувшийся от нее дымок пах не табачной гарью, а источал тонкий, чарующий аромат орхидей.

— Господин Шао! Какими судьбами в наши края? — хозяйка улыбнулась, и эта мимолетная улыбка сделала ее еще прекраснее. Оценивающим взглядом она скользнула по фигурам молодых людей, застывших за плечом старика, и вновь обратилась к Шао Жунхуа: — Кто эти очаровательные юноши?

— Позвольте представить вас друг другу, — охотно отозвался Шао Жунхуа. — Это хозяйка «Зеленой Обители», почтенная девица Дуаньму Цю. А это — господин Чжоу Тун. И его... хм...

Старик перевел взгляд на Дуань Чжэня, тщетно пытаясь откопать в памяти его имя, но, так ничего и не вспомнив, лишь неопределенно махнул рукой.

Дуань Чжэн лишь мысленно выругался. Пока разговор не ушел в другое русло, толстяк поспешил взять инициативу в свои руки:

— Мое имя Дуань Чжэн! Иероглиф «Дуань» — как в слове «правильный», и «Чжэн» — как в слове «честный». Одним словом — честный и правильный Дуань Чжэн!

Чжоу Тун мысленно прикрыл лицо ладонью.

Дуаньму Цю лишь удивленно приподняла бровь.

Под пристальным взглядом ее прекрасных темных глаз Дуань Чжэн мгновенно залился густым румянцем. Сердце его забилося чаще, и он, запинаясь от смущения, пролепетал:

— Надо же... у нас ведь даже фамилии на один слог начинаются. «Дуань» и «Дуаньму»... Какое чудесное совпадение, правда?

Дуаньму Цю не выдержала и негромко рассмеялась, изящно прикрыв рот ладонью. Проиgnорировав неуклюжие заигрывания толстяка, она обратилась к старику:

— Так зачем вы привели ко мне этих молодых людей, господин Шао?

— Ах да, — спохватился оценщик. — Этот юноша ищет хорошего нефритового тапира.

— Тапира? — удивление хозяйки лавки точь-в-точь повторило давешнюю реакцию Шао Жунхуа. Впрочем, за годы торговли она повидала немало чудаков, поэтому быстро справилась с любопытством.

Отложив трубку, девица Дуаньму повернулась к резному стеллажу за своей спиной и достала две шкатулки — темно-синюю и нежно-розовую. Под крышками на бархатных подушечках покоились искусно вырезанные фигурки зверей.

— Вот, взгляните, — ласково проговорила она. — Это скульптура тапира из обожженного нефрита начала эпохи Цин. А это — того же периода, но скульптура тапира из сине-белого нефрита. Скажите, господин Чжоу, вы приобретаете тапира для защиты от злых сил или просто в качестве украшения?

— Для защиты от скверны, — спокойно ответил Чжоу Тун.

Дуаньму Цю понимающе кивнула. Обыватели частенько покупали амулеты ради суеверий или на удачу. Однако стоило юноше произнести эти слова, как у нее внутри шевельнулось странное предчувствие — на миг ей показалось, будто перед ней стоит равный, такой же знаток тайных искусств, как и она сама.

Поколебавшись, Дуаньму Цю изящным движением скользнула ладонью в широкий рукав ципао и коснулась тяжелого браслета на запястье. Увы, древний артефакт безмолвствовал. Поверхность камня оставалась прохладной и гладкой, не подавая никаких знаков.

«Никакого присутствия духовной силы... Нет, он обычный человек», — разочарованно подумала она.

Чжоу Тун, однако, не упустил из виду этот жест. Он отчетливо разглядел украшение, скрытое в складках шелка. Браслет буквально лучился чистейшей духовной энергией — вещь древняя, редкая, высочайшего качества. Сомнений не оставалось: девица Дуаньму принадлежала к истинным даосским мастерам. А значит, и среди обычных безделушек в этой лавке наверняка припрятаны настоящие сокровища.

Чжоу Тун пришел сюда за тапиром с конкретной целью — избавить Шэнь Хунвэня от терзающей его скверны. Проклятие Десяти Дней питалось кошмарами своей жертвы, оплетая разум невидимыми путами. Но стоило разрушить эти сновидения, лишит тварь источника силы, и проклятие рассеется само собой.

<http://bllate.org/book/18246/1753596>